

ПИСЬМО

Мы с тобой на окраинах мира живём
у таких непохожих морей,
между нами зацветшей страны водоём,
миллионы забитых дверей.

Между нами столиц равнодушная спесь,
непролазных просёлков бардак...
Как покойно, как медленно дышится здесь,
меж уездных людей и собак.

От окраин далёк государственный срам,
на брусчатке возвращённый репей...
Ты поклон передай шепутным Северам
от моих крепкогрудых Степей.

От живущего ныне в тишайшей стране,
где играет в больших ребятня,
поклонись той церквушке на ясной Двине,
где когда-то крестили меня.

Помни, классик: не многим без счёта дано...
Береги свой лазоревый свет.
И пришли наконец заказное письмо –
до чертей надоел интернет.

* * *

*Родину свою оплакать –
Никаких не хватает слёз.*

А. Росков

Не то, что всё переиначим,
но разберёмся, что почём...
И родину свою оплачем.
И правду правдой наречём.

Несёт и кружит щепку веры
среди изменчивых тирад.
Иные, лучшие, примеры
пускай безусых вдохновят.

Я не прошу у них участия,
в простые истины влюблён,
хочу остаться непричастен
к наивной пошлости времён.

Сердца – в галоп. И жизни – на кон.
И слава рот горячий жжёт...
А здесь забытая собака
забитый домик стережёт.

НАДПИСЬ НА КНИГЕ

Вот уже немало лет
есть на Севере Поэт.
Он, пока в деревне рос,
земляков довёл до слёз.
Был за ним такой грешок:
хватить кого-то – и в стишок.

После скажет: мол, прости,
но стишок – в газету,
в общем, свёл он всех почти
земляков со свету.

Стар и мал в деревне тут
позабыл едва ли,
как его в Литинститут
миром собирали.

– Вот уедет навсегда
и про нас забудет,
и пройдёт лиха беда,
заживём, как люди.

* * *

Очень медленно рассказ
к главному стремится...
Знать, его в недобрый час
встретил я в столице.

В стороне от чепухи,
с хитрецою глядя,
он разматывал стихи,
точно печку ладил.

Как идёт по листьям дождь
яростью кленовой,
так поэта узнаёшь
по строке бубновой.

Но, рассудку вопреки
и без всякой позы,
переходят печники
в изменную прозу.

Скажешь: – Саша, не спеши.
Саша нас не слышит.
От души и для души
Саша повесть пишет.

Будет повесть без прикрас,
ну и слава богу...
Знаю, правды в ней про нас
будет слишком много.

.....

Так давай, пиши, прохвост,
и поведай миру,
как ловили мы за хвост
ветреную лиру.

Вспомни старый гастроном,
где земные блага,
и пусть ходит ходуном
по ночам общага.

Пусть последний ученик
вычитает сдуру,
как архангельский печник
пёр в литературу.

Как толкались в голове
рифмы – самоцветы...
Как живали на Москве
русские поэты.

* * *

Саше Роскову

Полешки уходят в дымок над трубой,
воскресная в теле истома,
и снег о морозце толкует с тобой,
когда ты выходишь из дома.

Закуришь с улыбкой на тёплом лице
и, чтоб тишину не нарушить,
присядешь на зябком дощатом крыльце
прозрачное утро послушать.

И слышно, как в землю бревенчатый дом
врастает, ссутуливши плечи,
как речка за лесом течёт подо льдом,
как топятся ладные печи.

А там, за околицей, в снежной пыли,
за дымом последнего дома,
чуть видима, тропка на небо с земли –
привычна, понятна, знакома...

* * *

Оттепло северное лето.
На бруснику сбросив рюкзаки,
люди доставали сигареты
у прозрачной маленькой реки.
И присел у костерка геолог,
замолчал на несколько минут,
а напротив вышли из-под ёлок
двое. По всему – туземный люд.
Встали, поздоровавшись, в сторонке.
Удочка да ягоды в горсти.
Дранные фуфайки и кепчонки...
Папуасы, господи прости.
И вздохнул геолог бородатый,
пред народом чувствуя вину,
и спросил:
– Как хариус, ребята,
не берёт, бродяга, на блесну?
Папуасы – брови смоляные,
и один, разбойничьих кровей,
хохотнул:
– Так ловят городские,
а мы тут – только на червей...
А потом качались ветки ёлок,
дождик собирался в облаках,
и грустил задумчивый геолог
о дремучих русских мужиках...
Саша, милый, помнишь ли об этом –
как, свою судьбу благословя,
хариуса

два шальных поэта
всё поймать пытались на червя...

Полетит с деревьев позолота,
первый иней дрогнет на кустах,
и поспеет клюква на болотах,
в самых топких, гибельных местах.
И опять закрутит, заласкает
ветер, сумасшедший и хмельной...
Господи, кому судьба какая –
мне уже не надобно иной.